

*Посвящается двадцатилетию
независимости Индии
(1947—1967)*

*Dedicated to the 20th
Anniversary of India's Independence
(1947—1967)*

U. S. S. R. ACADEMY OF SCIENCES
ORIENTAL COMMISSION.
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE U.S.S.R.

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Under the general editorship
of Academician V. V. STRUVE
and Corresponding Member
of the Academy of Sciences of the U.S.S.R.
D. A. OLDEROGGE

VOL. V.
INDIA: THE LAND AND THE PEOPLE

Edited by I. V. Sakharov

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1967

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика В. В. СТРУВЕ
и члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК V

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1967

И. П. Труфанов

К ВОПРОСУ О ВНЕШНИХ МИГРАЦИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ИНДИИ

Эмиграция индийцев в другие страны мира продолжалась немало лет и имеет свою историю. Индия наряду с Италией, Англией, Японией, Голландией, Алжиром считалась одним из важных центров эмиграции рабочей силы. В зарубежной литературе тема миграций населения Индии получила широкое освещение, более того, интерес к ней все возрастает. Ей посвящены многочисленные работы, в которых в разных аспектах рассматривается миграционное движение индийского населения. В советской литературе этот вопрос пока не нашел должного отражения¹, если не считать работ П. М. Шаститко и Д. М. Мухамедовой², в основном рассматривающих проблему расовой дискриминации индийцев в Южной Африке. Этому вопросу у нас посвящены лишь отдельные статьи и незначительные разделы в монографиях, отображающие положение индийских эмигрантов в некоторых странах³.

В настоящей статье мы попытаемся осветить только общие черты внешних миграционных движений индийского населения, а также остановимся на механизме миграционной техники и современном положении индийских иммигрантов в некоторых странах. Дать систематический и подробный анализ внешних миграционных процессов населения Индии задача необычайно трудная. Ее трудность состоит прежде всего в том, что рамки исследования чрезвычайно обширны. Во-вторых, обстоятельное и всестороннее изучение переселения миллионов масс индийцев в другие страны может быть осуществлено группой ученых, занимающихся такими науками, как география, история, этнография, социология, юриспруденция, демографическая статистика и некоторые другие.

Разделение Индии в 1947 г., осуществленное по религиозному признаку, на два независимых государства — Индию и Пакистан —

¹ В данной связи укажем, что общетеоретические положения о миграционных процессах населения капиталистических стран обстоятельно изложены в книге Э. П. Плетнева, *Международная миграция рабочей силы*, М., 1962.

² П. М. Шаститко, *Сто лет бесправия*, М., 1963; Д. М. Мухамедова, *Из истории расовой дискриминации индийцев в Южной Африке*, Ташкент, 1965.

³ См.: А. Д. Дридзо, *Индийцы острова Тринидад*, — «Страны и народы Востока», вып. II, М., 1961; В. А. Жеребилов, *Иммиграция как средство формирования рабочей силы в Малае до второй мировой войны*, — «Проблемы экономики стран Юго-Восточной Азии», М., 1959; Л. И. Бонифатьева, Ю. А. Ершов, *Цейлон*, М., 1962; В. В. Петров, *Население Индии. Демографический очерк*, М., 1955; В. И. Кочнев, *Население Цейлона*, М., 1965, и некоторые другие работы.

оказало влияние и на индийцев, живущих за границей. Некоторые из них, исповедующие мусульманскую религию, считают себя пакистанскими подданными. Следует, однако, подчеркнуть, что Пакистан проявляет мало интереса к мусульманам-иммигрантам, общая численность которых в общем и целом весьма невелика⁴. Касаясь современного положения индийских эмигрантов, мы не подразделяем их на индийцев и пакистанцев, а рассматриваем как единую, связанную историческими корнями группу, ведущую происхождение из одного географического района.

Индия с далеких времен имела связи с другими странами. Д. Дж. Е. Холл, например, указывает, что связи Индии и Юго-Восточной Азии, по всей вероятности, восходят к первым векам нашей эры. Индийские купцы и мореплаватели уже тогда посещали портовые города Юго-Востока Азии, в которых образовались небольшие поселения индийских торговцев⁵. К этому же времени относится проникновение в Юго-Восточную Азию индуистских и буддийских миссионеров. В ряде государств, возникших на Индокитайском полуострове и на островах Малайского архипелага, получили широкое распространение индийская религия, искусство и некоторые обычаи, а санскрит стал в них священным языком. Нельзя не упомянуть о том, что в этот период индийское влияние проявлялось в Юго-Восточной Азии преимущественно в культурной, а не в политической сфере⁶. Однако тогда эмиграция из Индии носила весьма ограниченный характер.

Эмиграция индийского населения в XIX в. была в первую очередь обусловлена социально-экономическими условиями, сложившимися в начале прошлого века в самой Индии. Эмиграция из Индии приняла массовый характер в результате разложения феодализма и общего экономического упадка. Эти процессы были значительно ускорены усилением эксплуатации Индии капиталистической Англией. Начиная с 30-х годов в Индии шел интенсивный процесс разложения общины, обезземеливания крестьянства и упадка ремесел, что вело к относительному аграрному перенаселению. Это, а также политическое бесправие трудящихся, хронические голодовки, переживаемые Индией с 1770 г.⁷, и кастовая система, запрещающая овладение некоторыми профессиями, традиционными для других каст, обусловили подвижность многих миллионов индийцев. Они любыми путями пытались найти средства к существованию, в том числе и за пределами своей родины. Экономическое положение подавляющего большинства индийских трудящихся было настолько тяжелым, что оно само по себе побуждало их к эмиграции.

В данной связи нельзя не указать на то, что некоторые зарубежные авторы, разбирая вопрос о причинах эмиграции индийского населения, недооценивают или вовсе игнорируют экономическое положение Индии. Так, К. Дэвис ошибочно полагает, что основными факторами, оказавшими влияние на эмиграцию индийцев, были законодательство в Индии и состояние экономики в странах иммиграции⁸. Нет особой необходимости подробно останавливаться на ошибочной точке зрения К. Дэвиса, так как совершенно очевидно, что такой сложный вопрос, как эмигра-

⁴ На Цейлоне, например, в 1953 г. только 5749 человек из числа индийских иммигрантов были пакистанцами, тогда как 984 327 человек были зарегистрированы как граждане Республики Индии. См. В. Н. Farmer, *Ceylon. A divided nation*, New York—London—Bombay, 1963, p. 4.

⁵ D. G. E. Hall, *A history of South-East Asia*, London, 1964, p. 12.

⁶ Ibid., p. 4.

⁷ C. Kondapi, *Indians overseas, 1838—1949*, New Delhi, 1951, p. 4.

⁸ K. Davis, *The population of India and Pakistan*, Princeton, 1951, p. 99.

ция из Индии, можно правильно понять, лишь исходя из совокупности социально-экономических условий, присущих самой Индии и тем странам, в которые был направлен поток индийской эмиграции. То, что некоторые страны были центрами притяжения индийских рабочих, несмотря на их географическую отдаленность от Индии, лишний раз свидетельствует о решающем значении социально-экономических условий, сложившихся в Индии и странах иммиграции.

Массовая эмиграция индийского населения началась в 30-х годах XIX в., когда в английских колониях, вовлеченных в орбиту мирового капиталистического рынка, было отменено рабство. Бывшие рабы отказывались работать, а стремительно развивающееся в колониях плантационное хозяйство нуждалось в дешевой рабочей силе, которую теперь не всегда возможно было найти на месте. Поэтому английские плантаторы обращались к колониальным властям Великобритании с просьбой разрешить им вербовать рабочую силу в Индии.

В обширной литературе, посвященной внешним миграциям индийского населения, приводятся различные даты о начале систематической эмиграции. К. Дэвис указывает 1834 г., т. е. следующий год после отмены рабства в английских колониях⁹. Индийский исследователь С. Кондапи, однако, считает, что организованная эмиграция индийцев началась только в 1839 г.¹⁰ М. Ж. Дюваль, занимавшийся исследованиями международных миграций еще в середине XIX в., писал, что первая партия индийских рабочих отправлена из Калькутты в 1815 г.¹¹ Вместе с тем следует отметить, что в ряд стран индийцы эмигрировали значительно позднее. Так, А. Майер сообщает, что на Фиджи первая партия индийских рабочих прибыла только в 1879 г.¹²

Мы не будем останавливаться на рассмотрении этого вопроса, так как сейчас нам важно подчеркнуть лишь тот факт, что с 30-х годов прошлого столетия количество эмигрантов из Индии неуклонно возросло. Об этом свидетельствуют следующие данные. С 1834 г. по 1937 г. число индийцев, эмигрировавших в различные страны, составило 30 191 тыс., а число «обратных переселенцев» за этот период достигло 23 941 тыс.¹³ Таким образом, миграционный баланс за 103 года составил 6250 тыс. человек. Однако в действительности точный учет эмиграции, и особенно реэмиграции, никогда не велся, поэтому приведенные выше данные, заимствованные нами у К. Дэвиса, имеют приблизительный характер. Сам К. Дэвис замечает, что приводимые им цифры, вероятно, завышены, поэтому он предполагает, что общий объем миграций, т. е. баланс эмиграции и реэмиграции, за указанный период не превышает 3,5—4 млн. человек¹⁴, что составляло не более 1% всего населения Индии. Видимо, эта цифра близка к реальной действительности, тем более что и С. Кондапи приводит примерно такие же данные¹⁵. Правда, надо иметь в виду, что его исчисление относится к несколько более позднему периоду (преимущественно к 1946—1948 гг.).

Основываясь на этих данных, можно констатировать, что число индийцев, эмигрировавших в другие страны, было значительно меньше,

⁹ Ibid.

¹⁰ C. Kondapi, *Indians overseas*, p. 5.

¹¹ M. J. Duval, *Histoire de l'émigration européenne, asiatique et africaine au XIX siècle; ses causes, ses caractères, ses effets*, Paris, 1862, p. 378.

¹² A. C. Mayer, *Peasant in the Pacific. A study of Fiji rural society*, Berkeley and Los Angeles, 1961, p. 1.

¹³ K. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 99.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ C. Kondapi, *Indians overseas*, pp. 527—528.

чем, например, эмигрантов-китайцев, которых в 1930-х годах насчитывалось 8—10 млн.¹⁶ Начиная с 1929 г. и вплоть до настоящего времени эмиграция из Индии резко замедлилась. На ее сокращение наряду с другими причинами сильное влияние оказал экономический кризис 1929—1933 гг. и вторая мировая война. В послевоенный период количество возвращающихся в Индию неизменно превышает число выезжающих из страны.

Число «обратных переселенцев» всегда было высоким, достигая 80% эмигрантов¹⁷, что является отличительной чертой внешних миграций населения Индии. Такой большой процент возвращающихся вызван рядом причин. Во-первых, большинство индийцев, не выдержав тяжелых условий труда в странах иммиграции, стремились вернуться на родину. Во-вторых, они почти повсеместно встречались с политикой расовой дискриминации, проводимой колонизаторами. Наконец, в-третьих, многие индийские рабочие ехали в некоторые страны на условиях краткосрочных контрактов и не были эмигрантами в буквальном смысле слова.

С другой стороны, нельзя не указать на то, что часть эмигрантов, вернувшихся в Индию после долгого пребывания за границей, были встречены в своих деревнях с неприязнью. Тогда многие шли в город, но, не найдя там работы, вынуждены были вновь отправиться в страны иммиграции. Так случилось в 1920-х годах с группой индийских рабочих, вернувшихся с о-вов Фиджи¹⁸.

Согласно данным, приводимым в ряде источников, численность индийцев, живущих за границей, определяется не более чем в 4,5 млн. человек¹⁹, из которых свыше 1,5 млн. приходится на страны Юго-Восточной Азии²⁰. Они сосредоточены большими компактными массами на Цейлоне, в Бирме, Малайе и Сингапуре, Южной и Восточной Африке, Гвиане, Тринидаде, а также на о-вах Фиджи и Маврикий. Кроме того, индийцев можно встретить почти в 50 странах, где их насчитывается от нескольких десятков тысяч (Индонезия, Ямайка, Таиланд и др.) до нескольких сот человек (Турция, Сирия, Израиль)²¹.

Страны с наибольшим количеством индийских иммигрантов, за исключением Южной Африки, лежат в зоне тропиков, где сильно развито плантационное хозяйство. В данной связи нельзя не подчеркнуть, что приток иммигрантов в эти страны был обусловлен не только сходными климатическими условиями, но и, как указывалось выше, экономическими причинами. Следует выделить такие страны, как Цейлон, Бирма, Малайя и Сингапур, где сосредоточено особенно много индийцев. История иммиграции индийцев в эту часть земного шара может быть предметом специального исследования. Поэтому мы отмечаем лишь некоторые моменты, благоприятствующие широкому использованию здесь труда индийских рабочих. Это — географическая близость Индии и упомянутых стран, интенсивное развитие таких экспортных сельскохозяйственных культур, как чай, каучук, рис и т. д., применение сезонной рабочей силы.

¹⁶ R. Mukerjee, *Migrant Asia*, Roma, 1936, p. 23, цит. по кн.: K. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 100.

¹⁷ K. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 100.

¹⁸ A. C. Mayer, *Indians in Fiji*, London—Melbourne—Bombay, 1963, p. 35.

¹⁹ «India. A reference annual, 1959», New Delhi, 1959, p. 48.

²⁰ S. B. Mookherji, *Indian minority in S. E. Asia*, — «Eastern World», vol. XIX, London, 1965, № 8/9, p. 14.

²¹ C. Kondapi, *Indians overseas*, pp. 527—528.

99,6% индийских эмигрантов²² поглощались колониями, входившими в состав Британской империи²³. Помимо английских владений индийцы эмигрировали во французские и голландские колонии. Отмена рабства во французских колониях в 1849 г. положила конец применению местной рабочей силы в сахарной промышленности на о-ве Реюньон и Антильских островах. Тогда французское правительство обратилось к английским колониальным властям за разрешением набирать рабочих в Индии. К 1851 г. на Реюньоне уже насчитывалось около 23 тыс. индийских рабочих²⁴. Голландия также ввозила индийских рабочих в свои колонии, в которых с 1863 г. было запрещено рабство²⁵. Заметим, что въезд индийцев во многие страны осуществлялся преимущественно водным путем. Их доставляли туда на переполненных пароходах, а на Цейлон они часто прибывали даже на самодельных лодках, совершенно не приспособленных для пассажирских перевозок. Приехавшим в порт Манаар индийским рабочим, обычно следовавшим в центральные районы Цейлона, затем приходилось идти пешком до Канди, покрывая расстояние в 250 км. Такой длинный путь изматывал людей. Кроме того, частые эпидемии холеры убивали людей прямо на дорогах.

Нельзя также не сказать о том, что горные барьеры и необжитые районы на многих участках индийской территории сильно затрудняли эмиграцию через сухопутные границы даже в соседние с Индией страны. Однако в Бирму попадали не только морским путем, но и по суше. Особенно это было характерно для района Аракан. Перед второй мировой войной от 20 до 40 тыс. индийских рабочих приходили в Акьяб из Читтагонга во время уборочных работ²⁶. Но это были сезонные рабочие, возвращающиеся в Индию после уборки урожая. Потому об этом районе можно говорить лишь в порядке исключения.

В настоящее время в некоторых странах индийские иммигранты образовали большинство или значительную часть их населения. Так, на о-ве Маврикий они уже в 1940 г. составляли 67% всего населения этой английской колонии²⁷. В 1961 г. индийцы были самой крупной по численности этнической группой и на о-вах Фиджи, где они составляли свыше 50% всего населения²⁸. Индийцы образуют почти половину населения Гвианы, где их было 296 770 человек из 602 600 всех жителей по оценочным данным за 1962 г.²⁹ На Цейлоне в 1961 г. насчитывалось 1052 тыс. индийских тамиллов и 49 тыс. индийских мавров из 10 168 тыс. жителей этой страны³⁰, т. е. 10%. В Малайзии и Сингапуре на конец 1962 г. было соответственно 831 132 и 142 900 индийцев, т. е. 11 и 8% всего населения этих стран³¹. В Бирме их число определяется в 800 тыс. человек³², т. е. значительно меньше, чем до начала второй мировой войны³³. Следует также отметить Тринидад и Тобаго, где в 1960 г. из

²² K. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 99.

²³ См. T. M. Campston, *A survey of Indian immigration to British tropical colonies to 1910*, — «Population studies», vol. 10, 1956, № 2.

²⁴ C. Kondapi, *Indians overseas*, p. 6.

²⁵ Ibid.

²⁶ E. H. Jacoby, *Agrarian unrest in Southeast Asia*, New York, 1949, p. 91.

²⁷ K. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 101.

²⁸ S. B. Mookherji, *The exodus of the overseas Indians*, — «Eastern World», vol. XVIII, London, 1964, № 11, p. 14.

²⁹ «The statesman's year-book, 1964—1965», New York, 1964, p. 150.

³⁰ Ibid., p. 461.

³¹ Ibid., pp. 493, 499.

³² S. B. Mookherji, *Indian minority in S. E. Asia*, p. 14.

³³ В 1931 г. число индийцев в Бирме определялось в 1 017 825 человек из 14 667 146 всех жителей. См. V. Thompson, *Labour problems in Southeast Asia*, New Haven, 1947, p. 35.

827 957 жителей насчитывалось 301 946 индийцев, т. е. 36% всего населения³⁴, и Южную Африку, где индийцев было 477 125 человек из 16 002 797 всех жителей³⁵. В странах Восточной Африки (Кения, Танганьика, Уганда, Занзибар) в послевоенное время проживало свыше 184 тыс. индийцев³⁶.

В США, Канаде, Австралии и некоторых других странах насчитывается всего лишь по несколько тысяч человек индийского происхождения, хотя эти страны считаются, как уже упоминалось, основными центрами применения эмигрантской рабочей силы³⁷. Въезд индийцев в эти страны искусственно ограничивался из-за расовой дискриминации. То же самое можно сказать и об Англии³⁸, где в послевоенные годы проживало не менее 10 тыс. индийцев³⁹. В странах Ближнего и Среднего Востока индийских эмигрантов очень мало, несмотря на географическую близость этого района к Индии.

В некоторых местах, где некогда проживало много индийцев, число их со временем уменьшилось. Так, в XIX в. индийцы наряду с китайцами, были ввезены на остров Мадагаскар для строительства железных дорог, где им пришлось работать в малярийных районах. Изнурительный труд и болезни уносили жизни тысяч рабочих. Поэтому те, кто выживал, стремились репатрироваться в Индию. К 1950 г. на Мадагаскаре насчитывалось не более 15 тыс. жителей индийского происхождения⁴⁰.

Для разъяснения вопроса о численности индийских иммигрантов следует прибавить, что они состоят из: а) лиц, сохраняющих гражданство Республики Индии, б) лиц, родившихся в Индии, но натурализовавшихся в странах иммиграции, в) лиц, родившихся в странах иммиграции, но ведущих свое происхождение из Индии. В ряде стран подавляющее большинство индийцев являются местными уроженцами: они принадлежат ко второму, третьему или даже к четвертому и пятому поколениям. Примером может служить Южная Африка, где 90% индийцев родились в этой стране⁴¹.

После этих общих сведений полезно рассмотреть достаточно сложный вопрос о миграционной «технике», т. е. совокупности приемов и организационных форм, получивших свое развитие в процессе миграций населения Индии. Понимание этого вопроса поможет более глубоко осмыслить самую суть природы внешних миграций индийского населения.

* * *

Условия найма, транспортировка, размещение индийцев по странам и распределение по различным отраслям хозяйства отличаются некоторым своеобразием. Это обусловливается помимо экономических факто-

³⁴ «The statesman's year book, 1964—1965», p. 538.

³⁵ Ibid., p. 1379.

³⁶ C. Kondapi, *Indians overseas*, p. 527.

³⁷ См. следующие работы, дающие представление о положении индийцев в перенаселенных странах: E. Chandrasekhar, *Indian emigration to America*, New Delhi, 1945; K. B. Kalyan, *East Indian immigration into America*, — «Modern Review», CXVI, 1964, № 5; H. S. Malic, *Indians in Canada*, — «A. I. C. C. Economic Review», 1956, № 4; A. T. Yarwood, *Asian migration to Australia: the Background to exclusion, 1896—1923*, Melbourne—London—New York, 1964, и другие работы.

³⁸ О положении индийцев в Англии см.: R. Desai, *Indian immigrants in Britain*, London, 1964; «Commonwealth immigrants in Britain», — «Commonwealth survey», vol. II, 1965, № 21.

³⁹ C. Kondapi, *Indians overseas*, p. 528.

⁴⁰ Ibid., p. 527.

⁴¹ «The Indian as a South African», Johannesburg, 1956, p. 73.

ров, историческими и национальными особенностями развития Индии. В связи с тем, что эмиграция из Индии прошла несколько стадий, менялись и методы миграционной «техники».

В первой и особенно во второй половине XIX в. широкое распространение получила долгосрочная кабальная контрактная система, т. е. скрытая форма принудительного труда. С. Кондапи, например, указывает, что она была близка к рабству или, в лучшем случае, ее можно охарактеризовать как полурабство⁴². Такого же мнения придерживается и другой индийский исследователь — М. Н. Чаттерджи, занимавшийся проблемой миграций индийского населения в Южную Африку⁴³. По сути дела кабальная контрактная система была чем-то средним между рабством и свободным трудом. Европейские колонизаторы называли индийских рабочих «кули», вкладывая в этот термин, как указывает цейлонский демограф Н. К. Саркар, пренебрежительный и оскорбительный для индийцев смысл⁴⁴. В проводившейся в 1881 г. на о-вах Фиджи переписи индийцев называли «кули», и только в 1891 г. их стали именовать в официальных документах «индийцами»⁴⁵.

С точки зрения юридической кабальная контрактная система базировалась на добровольно подписанном контракте. Документ этот, однако, не был обычным, так как он предполагал, что подписавший его рабочий лишается личной свободы не менее чем на три-пять лет. Во многих случаях человек, завербованный по кабальной контрактной системе, не имел представления о сроке. Плантаторы часто этим злоупотребляли. Нередко при этом подписавший контракт не знал также характера и условий труда, которым ему предстояло заниматься. Это значит, что уже при подписании контракта индеец становился жертвой обмана или насилия со стороны вербовщиков и предпринимателя⁴⁶. К. Дэвис совершенно справедливо замечает, что подобные контракты были лишь простой фикцией⁴⁷. Факты, приводимые в других работах, посвященных миграциям индийских трудящихся, наглядно это подтверждают. А. Майер пишет: «Агенты часто говорили доверчивым неграмотным крестьянам, что Фиджи — это место вблизи Калькутты»⁴⁸.

Предприниматели стремились выжать из рабочего все силы, оплачивая при этом его труд по самой низкой цене. Европейские плантаторы назначали из среды рабочих надсмотрщика — «сардара». Основная задача его состояла в том, чтобы следить за выполнением дневной нормы рабочими и поддерживать среди них порядок⁴⁹. В конце срока предприниматели старались возобновить соглашение, если рабочий был еще в состоянии работать, или избавиться от него, если он оказывался нетрудоспособным. В Южной Африке индеец должен был проработать не пять, а десять лет, прежде чем он мог вернуться на родину или получить клочок земли. Есть примеры, подтвержденные официальными документами, свидетельствующие, что людей задерживали даже после десятилетнего срока⁵⁰.

Гопал Кришна Гокхале — один из выдающихся политических лиде-

⁴² С. Kondapi, *Indians overseas*, p. 8.

⁴³ М. Н. Chatterjee, *Auswanderung aus Indien. I. Auswanderung nach Südafrika*, Leipzig, 1931, S. 7.

⁴⁴ Н. К. Sarkar, *The demography of Ceylon*, [S. 1.], 1957, p. 182.

⁴⁵ А. С. Mayer, *Indians in Fiji*, p. 17.

⁴⁶ М. Н. Chatterjee, *Auswanderung aus Indien...*, S. 9.

⁴⁷ К. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 103.

⁴⁸ А. С. Mayer, *Indians in Fiji*, p. 14.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 5.

⁵⁰ «The Indian as a South African», p. 58.

ров Индии — в послании к Имперскому Законодательному Совету, говоря о положении индийских рабочих, так охарактеризовал основные черты кабальной контрактной системы: «...все те, кто был завербован, во-первых, обязывались ехать в отдаленную и неизвестную страну, языка, уклада жизни и обычаев которой они не знали и где у них не было ни друзей, ни родственников. Во-вторых, они обречены работать там на любого предпринимателя; к нему они попадали по жребию, они не знали его, а он их; права на выбор его у них не было. В-третьих, они обречены жить там в поместье предпринимателя, они не могут никуда уйти без специального разрешения и должны выполнять любое задание, возложенное на них, каким бы тяжелым оно ни было. В-четвертых, обязательство было на определенный срок — пять лет. В течение этого времени они не могут по своему желанию расторгнуть контракт и ни при каких условиях избежать трудностей, как бы они ни были невыносимы. В-пятых, они обречены в течение этого периода работать за гораздо более низкую заработную плату, чем заработная плата свободного рабочего, работающего рядом с ними. И шестое по счету, но не по важности, — это то, по моему мнению, самая отвратительная черта этой системы, — это то, что они должны подчиняться закону, написанному на непонятном для них языке и не объясненному им до того, как они покинули Индию. По этому закону их привлекают к уголовной ответственности за самые мелкие нарушения, касающиеся контрактов. На основании этого закона их могут заключить в тюрьму с тяжелым режимом труда на срок продолжительностью до двух, а в некоторых случаях до трех месяцев, и не только за обман, но и за халатность и за небрежность и... даже за дерзкое слово или жест хозяину или его надсмотрщику»⁵¹.

Следствием кабальной контрактной системы явилась диспропорция в половом соотношении в целом ряде стран, куда был направлен поток индийских мигрантов, хотя при ввозе законтрактованных рабочих условиями договора предусматривалось, что в каждой их партии должно быть определенное количество женщин. В первоначальный период эмиграции из Индии женщины составляли менее 30% эмигрантов. Поэтому в некоторых странах, например на о-вах Фиджи, стала процветать торговля женщинами и получила широкое распространение проституция. Это обстоятельство не могло не привлечь внимания индийских властей, стремившихся как-то урегулировать сложившееся ненормальное положение. Однако трудности с выездом женщин и даже жен и детей иммигрантов так и не были полностью разрешены.

Известия о тяжелом положении индийских рабочих, попавших во многие страны на основании кабальной контрактной системы, вскоре проникли не только на страницы английской печати, но и в Индию, где эта система стала особенно непопулярной после 1900-х годов. Индийские колониальные власти были вынуждены прибегнуть к некоторым законодательным мерам, чтобы ограничить эмиграцию по кабальной контрактной системе. Сокращению вывоза индийских рабочих по этой системе способствовало и то, что к началу XX в. в английских колониях все шире использовался труд коренных жителей и сезонных иммигрантов. Некоторое влияние оказал также и мировой экономический кризис, разразившийся в начале XX в., сильно подорвавший плантационное хозяйство в тропических странах, где работало подавляющее большинство индийских переселенцев.

В 1920 г. кабальная контрактная система была окончательно уничтожена. Но к этому времени получила развитие другая система найма

⁵¹ Цит. по кн.: K. Davis, *The population of India and Pakistan*, pp. 103—104.

индийских рабочих — система «кангани», т. е. «старшего рабочего» или «картельного старосты». Она была особенно характерна для близлежащих к Индии стран, в первую очередь для Цейлона. Название она получила от слова «кангани», что на тамильском языке означает «начальник», который был и вербовщиком и надсмотрщиком созданной им артели, как правило, состоящей из 25—30 человек. Кангани было невыгодно иметь артель с меньшим числом работающих, так как в этом случае ему самому пришлось бы работать.

Предприниматель или плантатор, выбрав из числа опытных рабочих кангани, посылал его в Индию для рекрутирования новых рабочих, обычно вербовавшихся в его родной деревне или в знакомом ему районе. Большую часть вновь завербованных составляли родственники, друзья или соседи кангани. Со временем, вместо того чтобы самому вербовать новых рабочих непосредственно на месте, кангани предпочитал это делать через своих родственников, оставшихся в Индии. Таким образом, рассматриваемая система носила в известной степени патриархальный характер, так как кангани часто был старшим членом своей семейной группы, в которой работали другие семьи из его собственной или соседних деревень. Причем эти чужие семейные группы также имели своего начальника, называемого «силара-кангани».

Набор рабочей силы по системе «кангани» способствовал концентрации в некоторых странах рабочих, ведущих происхождение из одних и тех же штатов, которые превращались в своеобразных поставщиков рабочей силы в определенные страны. В настоящее время среди индийцев, обосновавшихся в Юго-Восточной Азии, насчитывается много выходцев из таких штатов, как Уттар Прадеш, Гуджарат, Пенджаб, Мадрас и Андхра Прадеш, а также отошедшего после раздела Индии в 1947 г. к Пакистану Синда⁵². В Юго-Восточной Азии, за исключением Бирмы, очень мало мигрантов из Бенгалии; можно сказать, совершенно отсутствуют переселенцы из Бихара, Ассамы, Ориссы, Майсура, Кералы, Мадхья Прадеша и Раджастанана. Что касается Бирмы, то там, например, в 1931—1932 гг. более четверти всех индийских иммигрантов были из Восточной Бенгалии, особенно из района Читтагонга.

На Цейлоне преобладают в основном выходцы из южных штатов, особенно из Мадраса, а в Южной и Восточной Африке — из штатов Западной Индии, а также из Мадраса. Подавляющее большинство индийцев, эмигрировавших после 1920 г. на о-ва Фиджи, были мигрантами из Пенджаба и Гуджарата. В странах Карибского моря: в Гвиане, Тринидаде и Тобаго — насчитывается много уроженцев Уттар Прадеша, Бихара и Западной Бенгалии. На о-ве Маврикий можно встретить выходцев не только из Мадраса, Уттар Прадеша, Бихара, но и из Гуджарата, Махараштры и т. д.

Следует указать на то, что районы, в которых интенсивно проводилась вербовка рабочей силы, не оставались неизменными. Уже упоминавшийся нами А. Майер указывает, что в первоначальный период эмиграции из Индии основной центр тяжести приходился на провинции или районы Нижнегангской равнины (Бенгалию и Бихар). В то время в Центральной и Западной Индии рабочая сила почти не рекрутировалась. Однако затем главный центр набора рабочих стал передвигаться на северо-запад, особенно в штат Уттар Прадеш. Но к концу XIX в. вербовка в Северной Индии, натолкнувшись на некоторые трудности, переместилась в Южную Индию, где рекрутировались как тамилы, живущие

⁵² Те синдхи, которые по вероисповеданию не были мусульманами, после 1947 г. мигрировали из Пакистана в Индию.

в близлежащих к Мадрасу деревнях, так и жители из северных районов, где говорят на языке телугу, а также из Малабара на западном побережье Индии⁵³.

В отличие от контрактной системы кангани, как правило, заключал не письменный, а устный краткосрочный договор на срок обычно не более чем 30 дней. Он был обязан обеспечить вновь завербованных рабочих пищей, одеждой и проездом к месту работы. Кроме того, кангани мог оплачивать небольшие долги или оставить некоторые суммы денег их родственникам.

Кангани был по сути дела единственным посредником между завербованными им рабочими и предпринимателями и плантаторами. Он осуществлял финансирование своей артели, а также решал все вопросы бытового характера и даже семейные конфликты. В оплату за свои услуги кангани получал вознаграждение за каждого завербованного им рабочего и ежедневную компенсацию за всех рабочих, появившихся на работе. В дополнение к этому ему часто выплачивали фиксированную заработную плату и дополнительное вознаграждение⁵⁴. Завербованный кангани рабочий брал на себя обязательство выплатить в течение двух лет сумму, авансируемую ему на проезд к месту работы. По закону он имел право уйти из своей артели через 30 дней, но в действительности ему было практически невозможно подыскать другую работу, если он не оплатил свои долги, т. е. он надолго оказывался привязанным к своей артели, работавшей на определенного плантатора. Н. К. Саркар подчеркивает, что рабочий, завербованный кангани, часто оставался всю жизнь в долгу, особенно если учесть, что рабочие помимо предпринимателя оказывались еще и должниками ростовщиков⁵⁵. Следует отметить, что с течением времени долги рабочего не уменьшались, а наоборот, увеличивались. В немалой степени этому способствовала так называемая система «тунду», особенно распространенная на Цейлоне.

В тех случаях, когда управляющий плантацией видел, что у него оказывалось больше рабочих, чем ему требовалось, он выдавал письменное согласие — «тунду» — на увольнение определенного количества рабочих, которые должны были возместить сумму выданного им ранее аванса. Кангани подыскивал нового плантатора, получая у него более высокий аванс, чтобы рассчитаться со старым управляющим. Система «тунду» была выгодна кангани, но вела к увеличению долгов рабочего. Подобная практика способствовала обогащению кангани, должность которого со временем превратилась в наследственную. Некоторые кангани, особенно через одно-два поколения, сами становились собственниками земельных участков, обрабатываемых наемной рабочей силой.

Одной из разновидностей системы «кангани» была система «Майстри», на основании которой производился набор рабочих для Бирмы. Побудительным мотивом эмиграции в этом случае служили авансы, выдаваемые рабочему и становившиеся по приезде в Бирму неоплаченным долгом. Отличительной чертой этой системы является наличие целой армии посредников между рабочими и предпринимателями, а также многочисленные незаконные, помимо обусловленных условиями найма, вычеты из заработной платы рабочих.

Основной рабочей единицей в Бирме была артель (*Gang maistry*), состоявшая из 10—20 рабочих. Несколько таких артелей объединялись в свою очередь в группы (*Charge maistry*), из которых состояла вся

⁵³ A. C. Mayer, *Peasants in the Pacific*, p. 3.

⁵⁴ См.: K. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 104; C. Kondapi, *Indians overseas*, p. 30.

⁵⁵ N. K. Sarkar, *The demography of Ceylon*, p. 175.

производственная организация фирмы или компании (Head maistry). Кроме того, назначался управляющий (Labour contractor), под руководством которого осуществлялась вербовка рабочей силы и определялись условия найма. Управляющий был влиятельным человеком, располагавшим большими финансовыми средствами. Система, применяемая для набора рабочих в Бирму, строилась так, что «в действительности, — как замечает С. Кондапи, — рабочий был слугой своего вербовщика, а не плантаций или фирмы»⁵⁶. В данном случае наглядно проявляется фигура эксплуататора-посредника.

Хотя система «кангани» просуществовала до 1938 г., однако ее значение начало уменьшаться гораздо раньше. В конце 1920-х годов основной поток эмигрировавших из Индии состоял уже из незавербованных рабочих, покидавших страну с помощью Индийского иммиграционного комитета, учрежденного еще в 1907 г. Этот комитет оказывал эмигрантам не только финансовую поддержку, но и осуществлял общий контроль над ходом эмиграции из Индии. В 1934 г. число индийцев, въехавших без предварительной вербовки в Малайю, составило около 96% всего числа эмигрантов, тогда как в 1920 г. оно достигало всего лишь 12%⁵⁷. При оформлении выезда в Малайю незавербованные эмигранты обращались в трудовые бюро, созданные в городах Негапатаме и Авади, где после медицинского обследования, устанавливавшего работоспособность эмигранта, ему выдавали денежную сумму для оплаты проезда к месту назначения.

Часть индийских трудящихся въезжала в некоторые страны, особенно на Цейлон, не имея на то специального разрешения, т. е. в данном случае мы сталкиваемся с практикой так называемых незаконных выездов.

Разбирая вопрос о внешних миграциях населения Индии, нельзя не остановиться на эмиграции торговцев, коммерсантов, лавочников и финансовых дельцов, имевшей место наряду с эмиграцией рабочих. Они обычно располагали капиталом, позволявшим им развернуть торговую или финансовую деятельность. В качестве примера приведем четтиаров из Мадраса, марвари из Раджпутаны, банья из Соединенных провинций, патанов с Северо-Запада⁵⁸. Среди них насчитывается больше мусульман, чем в общей массе индийских эмигрантов, и много ростовщиков.

В годы массовой эмиграции, особенно в XIX в., колониальные власти Индии часто не имели надлежащей информации о положении эмигрантов, что было обусловлено как слабыми связями, так и отдаленностью многих стран иммиграции. Индийское правительство не могло иметь во всех странах своих постоянных иммиграционных представителей, и поэтому оно было вынуждено опираться лишь на доклады чиновников, специально посылавшихся в одну из стран с каким-либо заданием. Между тем, переселение больших масс индийского населения в другие страны выдвигало много сложных проблем.

Английское правительство вообще не считало нужным заниматься индийскими мигрантами. Что касается колониальной администрации Индии, то она была вынуждена не раз защищать права индийцев, разбросанных по разным странам. В центре внимания колониальной администрации стояли такие вопросы, как необоснованное уголовное преследование индийских рабочих со стороны предпринимателей и плантаторов, принуждение к возобновлению срока на основании кабальной конт-

⁵⁶ С. Kondapi, *Indians overseas*, p. 47.

⁵⁷ «Indians in Malayan economy», New Delhi, 1950, p. 24.

⁵⁸ K. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 105.

раковой системы, насильственная репатриация; запрещение повторного въезда в некоторые страны, диспропорция между числом мужчин и женщин и особенно расовая дискриминация индийцев. Она приостанавливала эмиграцию в любой район или применяла даже экономические санкции в отношении ряда стран.

Колониальной администрации Индии удалось в конце концов добиться того, что вербовку рабочих в Индии должен был проводить эмиграционный комиссар страны иммиграции. Он нес ответственность за все стадии вербовки, осуществляемой им от имени его страны или колонии. Он отвечал за информацию о своей стране и за инспекторов и агентов, непосредственно занимавшихся набором рабочих, т. е. лиц, посещавших индийские деревни, особенно в неурожайные годы, или вербовавших рабочих, скопившихся во время религиозных праздников в паломнических центрах. В портах погрузки эмигрантов назначался специальный чиновник (*Protector of emigrants*), который должен был выдавать каждому отъезжающему так называемое вербовочное удостоверение. Он выдавал его, если эмигрант имел на руках письменное разъяснение условий найма.

В некоторых странах, где расселились выходцы из Индии, особенно в Южной Африке, характерным явлением стала расовая дискриминация. Некоторые зарубежные авторы, в их числе К. Дэвис, разбирая этот вопрос, пытаются свести острую и сложную проблему расовой дискриминации лишь к неким культурным конфликтам⁵⁹. В действительности же это была преднамеренно проводимая английскими колонизаторами дискриминационная политика расовых ограничений по отношению к индийцам и другим народам британских колоний.

Контроль колониальных властей Индии за внешними миграциями был недостаточным. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что только в 1922 г. появился акт, разграничивший труд квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Лишь в 1923 г. было установлено, что лицам моложе 18 лет не оказывается помощь для выезда за границу, если они намеревались эмигрировать без родителей. В условиях колониального режима было трудно противостоять политике английских колонизаторов, позицию которых четко сформулировал Томас Хислоп: «Мы хотим видеть индийцев законтрактованными по кабальной системе вербовки, а не в качестве свободных людей»⁶⁰.

В свете приведенного выше материала видно, что формы внешних миграций населения Индии отличаются некоторым разнообразием. Так, например, в Малайю рабочие рекрутировались по кабальной контрактной системе, через кангани и на основании свободной иммиграции. Для Цейлона в основном характерна система «кангани», но широкое распространение получила и система «гунду» и т. д. Но, несмотря на различие миграционной техники, все виды внешних миграций индийских трудящихся осуществлялись в интересах капиталистических нанимателей, нещадно эксплуатировавших завербованных рабочих.

* * *

В настоящее время индийцы, живущие за границей, социально неоднородны. С одной стороны, они образуют многочисленные отряды рабочего класса, занятого в самых различных отраслях экономики. С другой стороны, среди них насчитывается довольно большое число ферме-

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Цит. по кн.: С. Kondapi, *Indians overseas*, p. 7.

ров и представителей мелкой буржуазии, а также лиц, занятых в сфере интеллигентного труда. На более высоких ступенях социальной лестницы буржуазного общества — в среде крупных капиталистов — индийцы представлены в небольшом числе. В некоторых странах сейчас образовалась довольно крупная прослойка средней буржуазии.

подавляющее большинство индийских рабочих-иммигрантов находит применение своему труду на плантациях и в самых различных отраслях промышленности, большей частью выполняя неквалифицированные и полуквалифицированные работы. Заслуживающих доверия источников, на основании которых можно было бы установить численность индийских рабочих-иммигрантов, в нашем распоряжении, к сожалению, не имеется. Поэтому сейчас мы ограничимся лишь отдельными примерами.

В 1954 г. в странах Юго-Восточной Азии рабочие составляли около 80% всех индийских иммигрантов⁶¹. В Малайе, например, индийцы служили основным резервом рабочей силы на каучуковых плантациях и в разнообразных отраслях промышленности. В Бирме индийцы преимущественно заняты на промышленных предприятиях, погрузочно-разгрузочных работах в портах, а также в сельском хозяйстве, охоте и рыболовстве. На Цейлоне индийцы составляют основную массу сельскохозяйственных рабочих, связанных с плантационным хозяйством⁶². В промышленности Цейлона индийцев работает сравнительно немного. На о-ве Тринидад индийцы сосредоточены в сельском хозяйстве, транспорте и в сфере обслуживания. В больших городах, только что перечисленных, а также в ряде других стран насчитывается довольно много индийских ремесленников (портных, парикмахеров, сапожников и т. д.) и лиц, занятых в сфере обслуживания. Процент квалифицированных специалистов среди индийских рабочих повсеместно невелик.

В Южной Африке, Гвиане и на о-вах Фиджи, Маврикий, Тринидад получила распространение культура сахарного тростника, а в связи с этим развилась и сахарная индустрия. Большинство индийских рабочих здесь заняты именно в этой отрасли, имеющей важное значение в экономической жизни этих стран. Индийцы внесли крупный вклад в развитие культуры риса в Бирме. На о-ве Занзибар они участвовали в работах по выращиванию гвоздики, идущей на экспорт, покрывающий 80% мирового спроса на этот вид пряностей⁶³.

Условия труда, с которыми пришлось столкнуться индийским рабочим, почти повсеместно были очень тяжелыми. Продолжительность рабочего дня по сути дела до недавнего времени не регулировалась. Так, например, в Бирме была установлена 60-часовая рабочая неделя; в Малайе работало по 9 часов в день, а в Британской Гвиане — до 18 часов⁶⁴. Однообразный труд без специальной защиты в условиях тропического климата был уделом большинства индийских рабочих. Плантаторы, особенно с конца XIX в., широко применяли «урочную» работу: за невыполнение нормы не только взыскивали штрафы, но и наказывали палками. Почти везде большой процент индийских рабочих подвергался наказанию за невыполнение рабочих норм. Из-за невыносимых условий труда в ряде стран, например в Гвиане, на Ямайке, Тринидаде,

⁶¹ V. Thompson and R. Adloff, *Minority problems in Southeast Asia*, Stanford, 1955, p. 59.

⁶² О распределении индийцев в плантационном хозяйстве Цейлона см.: С. Ф. де Сильва, *География Цейлона*, М., 1955, стр. 168.

⁶³ C. Kondapi, *Indians overseas*, p. 328.

⁶⁴ Ibid., p. 95.

наблюдался высокий процент самоубийств⁶⁵. Следует особо сказать о расистском характере экономической эксплуатации индийцев в такой стране, как Южно-Африканская Республика, где им платят меньше, чем белым, за выполнение равноценной работы в любой категории труда.

Только после окончания первой мировой войны были предприняты некоторые меры, направленные на улучшение условий труда индийских рабочих. В некоторых странах под давлением рабочего движения было принято трудовое законодательство. В ряде случаев индийские рабочие боролись за свои права совместно с коренным населением или с иммигрантами-рабочими из других стран, например китайцами в Малайе. Лишь благодаря выступлению рабочих происходило повышение заработной платы, некоторое улучшение условий труда (регулирование ночной работы для женщин и подростков, компенсация за увечье, распространяемая не только на промышленных, но и на сельскохозяйственных рабочих, и т. д.).

Некоторые зарубежные авторы, например Э. Джекоби, тем не менее утверждают, что трудовое законодательство создавалось якобы под влиянием идей, зародившихся в Англии, а также в Новой Зеландии⁶⁶. Об ошибочности подобных взглядов свидетельствует и вывод С. Кондапи, который подчеркивал, что законы о труде, регулировавшие условия труда индийских рабочих в Малайе и на о-вах Фиджи, Тринидад, Маврикий и Цейлон, были явно недостаточными, так как они не основывались на принципах современной экономики и стандарте жизни⁶⁷.

Во многих странах рабочие-индийцы не могли сколько-нибудь сносно существовать на получаемую ими заработную плату. Это относится к Бирме, Малайе и некоторым другим странам. Среди индийских рабочих в Бирме, Малайе и Сингапуре и т. д. наблюдается безработица, которая принимает значительные размеры, особенно после второй мировой войны, когда массы сельскохозяйственных рабочих, потеряв работу, двинулись в города, пополняя там и без того многочисленную армию безработных.

Тяжелые условия труда и низкий жизненный уровень индийских рабочих-эмигрантов были в значительной мере обусловлены тем, что они фактически вплоть до начала второй мировой войны были очень слабо организованы в профессиональном отношении и не имели связи с коренным населением страны иммиграции. В последнее время индийские рабочие принимают активное участие не только в политическом и экономическом движении, но и в борьбе против расовой дискриминации и ее социальных последствий в таких странах, как Южно-Африканская Республика.

Как уже упоминалось, в целом ряде стран индийские иммигранты образовали довольно большой слой мелких фермеров. В Южной Африке, Гвиане, на о-вах Фиджи, Маврикий часть индийцев, получив наделы, стали собственниками небольших земельных участков. В некоторых местах индийцы со временем даже сосредоточили в своих руках значительные земельные площади. В качестве примера сошлемся на положение, сложившееся на о-ве Маврикий, где к 1937 г. им принадлежало 64 525 акров, или 35,8% всей обрабатываемой земли⁶⁸.

Сравнительно небольшое число индийских иммигрантов занято в сфере интеллигентного труда, образуя прослойку конторских и государственных служащих, адвокатов, учителей, врачей и т. д. В последние

⁶⁵ Ibid., p. 27.

⁶⁶ См.: E. H. Jacoby, *Agrarian unrest in Southeast Asia*, p. 122.

⁶⁷ C. Kondapi, *Indians overseas*, p. 96.

⁶⁸ Ibid., p. 312.

десятилетия индийцы внесли свой вклад в формирование местной интеллигенции в таких странах, как Малайя, Тринидад, Тобаго и др.⁶⁹. Прежде индийцы занимали привилегированное положение в административной службе и полиции Бирмы. Достаточно указать на то, что там в 1931 г. из 1000 военнослужащих и полицейских 400 человек были лицами индийского происхождения и только 296 бирманцами⁷⁰. Однако уже в годы второй мировой войны доля индийцев в бирманской администрации начала быстро снижаться. Довольно большое число индийцев было также сосредоточено в правительственных учреждениях и в управленческом аппарате частных фирм Цейлона.

Сейчас значительно сократилось число представителей индийской буржуазии по сравнению с периодом до второй мировой войны. Особенно это характерно для прослойки ростовщиков, оказывавших сильное влияние на финансы и экономику некоторых стран. Как правило, ростовщики происходили из торгово-ростовщических каст, в недрах которых формировалась буржуазия в самой Индии⁷¹.

Явлением, характерным для индийских ростовщических кругов, оказались четтиары — члены торгово-ростовщических каст Мадраса. Поэтому мы кратко остановимся на их деятельности в Бирме. Следует отметить их гибкую организацию и почти неограниченные кредиты, которыми четтиары располагали благодаря тесной и многолетней связи с крупными английскими банками, а также отличное знание местных условий. Это позволяло им подавлять своих конкурентов и монополизировать в некоторых районах Бирмы всю банковскую систему, а также скупать огромные земельные площади. Только в 1930 г. четтиары инвестировали в производство риса в Нижней Бирме 500 млн. рупий (190 млн. долл.)⁷². В последующие годы их капиталовложения еще более возросли. В результате этого к 1936 г. четтиары владели 2,5 млн. акров рисовых полей в Нижней Бирме⁷³.

Однако, несмотря на огромные капиталовложения, кредитная система четтиаров не могла быть экономически эффективной для развития бирманского сельского хозяйства, так как она имела целью не развитие сельскохозяйственного производства, а получение стабильных и высоких доходов. Естественно, концентрация земли в руках четтиаров и эксплуатация ими крестьянских масс вызывали неприязнь не только бирманского населения, но и эксплуатируемых ими индийских мелких собственников земли, осевших в Бирме.

Сильны были позиции четтиаров, особенно в период второй мировой войны, в Малайе и Сингапуре. В 1940 г. в Сингапуре насчитывалось около 50 крупных фирм, принадлежавших четтиарам, с общим капиталом в 30—40 млн. долл.⁷⁴, не считая оперировавших там многочисленных мелких ростовщиков. Четтиары сумели взять под свой контроль большие земельные площади и на Цейлоне преимущественно в период 1930—1936 гг.⁷⁵. В Юго-Восточной Азии, Восточной Африке и в других странах отношение к четтиарам резко отрицательное. Поэтому, например, на Занзибаре сразу же после завоевания независимости правительство и Революционный совет осуществили важные экономические рефор-

⁶⁹ См.: S. W. Jones, *Public administration in Malaya*, London, New York, 1953, p. 4; А. Д. Дрицко, *Индийцы острова Тринидад*, стр. 99.

⁷⁰ «Census of India», 1931. Chapter VIII. Subsidiary table VII-B, p. 115. Цит. по кн.: Е. Н. Jacoby, *Agrarian unrest in Southeast Asia*, p. 95.

⁷¹ См. В. И. Павлов, *Формирование индийской буржуазии*, М., 1958, стр. 146.

⁷² F. H. Jacoby, *Agrarian unrest in Southeast Asia*, p. 72.

⁷³ Ibid., p. 83.

⁷⁴ V. Thompson and R. Adloff, *Minority problems in Southeast Asia*, p. 108.

⁷⁵ N. K. Sarkar, *The demography of Ceylon*, p. 185.

мы, которые привели к заметному ослаблению позиций ростовщических кругов индийской буржуазии, в прошлом поддерживавших проколонизаторский режим ⁷⁶.

Бедственное социально-экономическое положение подавляющей массы индийских мигрантов наложило отпечаток и на уровень грамотности. Подавляющее большинство их не имели никакого образования, так как плантаторов и предпринимателей вполне устраивали неграмотные рабочие. Только в конце XIX в. колониальные власти разрешили открывать для них школы, часто контролируемые христианской церковью. Поступление в английские школы для индийцев было почти невозможно. Но по мере увеличения численности индийских иммигрантов и в результате их упорной борьбы за свои права, в том числе и за получение образования, в ряде стран, особенно в Малайе, открывались индийские общеобразовательные школы, финансируемые местными правительствами. К 1955 г. в Малайе функционировало 898, а в Сингапуре 21 такая школа со штатом учителей соответственно 1648 и 49 человек ⁷⁷.

Индийский эмигрант и его семья почти постоянно страдали от хронического недоедания ⁷⁸.

На материальные условия жизни индийских иммигрантов сильный отпечаток накладывает процесс урбанизации. Но вместе с тем многие положительные стороны городского быта, например в Южной Африке ими не усваиваются из-за расовой дискриминации и сегрегации.

При любой серьезной попытке разобраться в процессе внешней миграции населения Индии, разумеется, нельзя обойти проблемы ассимиляции индийцев, которая заслуживает специального рассмотрения. Прежде всего следует отметить, что многие исследователи этого вопроса указывают на то, что индийцы в очень незначительной степени ассимилируются с коренными жителями или с другими иммигрантами, образуя отдельные общины со специфической религией и культурными формами. Это обусловлено социальными, религиозными, культурными, а в определенной степени и политическими особенностями развития Индии и стран иммиграции. Необыкновенная сложность ассимиляции для индийцев объясняется многими особенностями в языке, обычаях, пище, брачных институтах индийцев.

Примером, иллюстрирующим религиозную принадлежность индийских иммигрантов, может служить Южная Африка, где индуисты составляют около 70% всего индийского населения, а остальные являются в основном мусульманами (16%) и христианами (6%) ⁷⁹. Сильны и языковые различия в среде южноафриканских индийцев, говорящих на языках дравидской семьи языков (тамилский и телугу) и индоевропейской семьи языков (гуджаратский и хиндустани). Однако, несмотря на различия, имеется много общих черт, присущих индийцам, в первую очередь в таком важном институте, как семья ⁸⁰.

В настоящее время полигамия, можно сказать, не распространена и осуждается во всех слоях индийских иммигрантов, хотя она и не запрещена традиционным кодом индуизма и заповедями корана. Среди консервативной части индуистов полигамия допускается тогда, когда первая жена бесплодна или у нее нет сына. Однако в таких случаях стало обычаем брать на воспитание сына, а не вводить в дом вторую жену.

⁷⁶ S. B. Mookherji, *The exodus of the overseas Indians*, p. 14.

⁷⁷ N. Ginsburg and C. F. Roberts Jr., *Malaya*, Seattle, 1958, p. 346.

⁷⁸ E. H. Jacoby, *Agrarian unrest in Southeast Asia*, p. 130.

⁷⁹ «The Indian as a South African», p. 15.

⁸⁰ Ibid., p. 14.

Обратимся к некоторым конкретным данным на этот счет. Так, в г. Дурбане в Южно-Африканском Союзе из 600 семей, исповедующих индуизм, только в четырех оказались две жены, причем вторые жены не были зарегистрированы и не имели законного статуса⁸¹. Следует указать на то, что детские браки стали редкостью, число разводов небольшое, браки устойчивы, количество холостяков и незамужних среди индийских иммигрантов незначительно.

Во многих случаях под влиянием новых условий жизни индийские иммигранты отходят от старых национальных обычаев и традиционного жизненного уклада, строго соблюдающегося в самой Индии. Это относится не только к материальной стороне быта индийцев, где изменения более или менее легко прослеживаются. Это проявляется также и в кастовой системе. Традиционная кастовая структура претерпевает серьезные изменения. Ее разрушение началось еще в первые годы эмиграции из Индии, когда законтрактованных рабочих заставляли совместно работать на плантациях независимо от их кастовой принадлежности. В капиталистических странах в силу законов, действующих в современной экономике, выбор профессии уже не может регулироваться кастовыми традициями. То же самое можно сказать и об обычае принимать пищу только в обществе людей своей касты. Следует указать лишь на стойкость кастовой эндогамии, т. е. регулирования брачных норм в соответствии с принадлежностью к определенной касте.

Почти повсеместно наблюдается отход от национальной религии и принятие христианства, особенно среди представителей низших каст. В некоторых странах, например в Вест-Индии, запрещается сжигать трупы умерших, что оказало влияние и на изменение похоронных обрядов. В ряде стран часть индийских иммигрантов утрачивает свой родной язык, что наряду с принятием христианства накладывает отпечаток и на их имена. Так, например, на о-ве Тринидад сейчас насчитывается уже немало индийцев, носящих чисто английские имена⁸².

Индийские мигранты почти повсеместно слабо организованы как национальная группа. Их разобщенность обусловливается различием места рождения, религией и кастовой принадлежностью. С точки зрения организации и финансового положения они значительно уступают, например, китайским иммигрантам⁸³. Слабость организационных форм вызвана во многих случаях тем, что индийцы не проявляют желания поселяться постоянно в странах, где они живут в течение ряда лет, а иногда и целых поколений. Это в известной мере можно объяснить тем, что индийские иммигранты полны оптимистических воззрений насчет будущего Индии. Поэтому они часто (хотя и не везде) не хотят отказываться от индийского подданства и принимать гражданство стран, в которые они иммигрировали.

Сложное внутреннее положение, сложившееся в ряде стран, особенно проживание компактными массами обособленно от коренного населения, с которым часто не поддерживается никакого социального контакта, также способствует отсутствию стремления к смене гражданства. Некоторые индийские авторы, например С. Б. Мукерджи, подчеркивают и тот факт, что индийцы непопулярны во многих странах. Это объясняется тем, что индийцы часто появлялись в стране вслед за колонизаторами. Поэтому в ряде случаев на них смотрят как на коллаборационистов —

⁸¹ Ibid., p. 17.

⁸² См. D. J. Crowley. *Plural and differential acculturation in Trinidad*, — «American Anthropologists», vol. 59, 1957, № 5, p. 821.

⁸³ По этому вопросу см. S. B. Mookherji, *Indian minority in S. E. Asia*, pp. 14—15.

иностранных захватчиков⁸⁴, хотя в действительности основная масса индийских иммигрантов подвергалась, подобно коренным жителям, самой жестокой и беззащитной эксплуатации и расовой дискриминации.

В настоящее время условия, в которых находятся индийские иммигранты, далеки от того, чтобы их можно было считать удовлетворительными. Отношение к ним со стороны некоторых правительств оставляет желать много лучшего. Остро стоит проблема гражданства, которая до получения Индией независимости не была столь злободневной для ее подданных, проживавших в доминионах и колониях Британского содружества наций. На основании действовавших тогда законов население английских колоний и доминионов имело право на получение британского подданства. В настоящее время положение изменилось, потому что Индия, Пакистан, Цейлон, Малайя стали независимыми государствами, а Бирма даже вышла из стран Британского содружества наций. В силу этих обстоятельств свободная Индия не могла не столкнуться с проблемой индийцев, живущих за границей⁸⁵.

Политика индийского правительства по отношению к своим эмигрантам сводится к тому, чтобы они принимали гражданство и подчиняли свои интересы общим интересам стран иммиграции. Подобная позиция определяется в немалой степени тем, что сейчас индийское правительство вынуждено заниматься проблемой переселенцев из Пакистана, которая сопряжена с немалыми финансово-экономическими трудностями. Если к миллионам беженцев из Пакистана будут добавлены индийцы, репатрируемые из других стран, то это может еще более усугубить трудности, стоящие перед Индией в связи с устройством репатриантов.

В настоящее время индийские мигранты должны сделать выбор относительно гражданства. Индийское правительство стремится избежать двойного подданства, которое, как известно из практики международного права, часто вызывает довольно серьезные осложнения между странами. Если иммигрант желает сохранить индийское подданство, то он не может рассчитывать на какие-либо привилегии в стране его проживания; его права должны быть ограничены точно так же, как и права других иностранцев. Правительство Индии обязуется следить за тем, чтобы с индийскими гражданами обращались не хуже, чем с другими иностранцами. В случае нарушения индийцами законов стран иммиграции они не могут рассчитывать на защиту со стороны правительства Индии.

Нельзя не отметить и национальный антагонизм между индийскими иммигрантами и коренным населением. К сожалению, он существует в ряде стран. Нужно, однако, подчеркнуть, что в тех странах, которые раньше были английскими колониями, антагонизм возник в результате колониального господства Англии и проводимой ею традиционной политики «разделяй и властвуй». Так, например, Г. Мендис, исследуя историю Цейлона, указывает, что в этой стране среди народных масс различных национальностей не было вражды на национальной, социальной и религиозной почве до прихода английских колонизаторов⁸⁶. Наряду с этим приходится констатировать, что положение индийцев в некоторых странах, получивших независимость, стало одним из самых острых политических вопросов. Особенно это относится к Бирме, Цейлону, Занзибару и Фиджи.

По некоторым оценочным данным, только в 1964 г. не менее 80 тыс., т. е. более 11% всех индийцев, живущих в Бирме, зарегистрировались в

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ См. J. S. Bains, *India's international disputes, A legal study*, London, 1962.

⁸⁶ G. C. Mendis, *Ceylon today and yesterday. Main currents of Ceylon history*, Colombo, 1957, p. 134.

индийском посольстве в Рангуне для репатриации в Индию⁸⁷. Более того, число желающих вернуться в Индию непрерывно возрастает, что создает серьезную проблему для индийского правительства, обязавшегося обеспечить суда для перевозки своих граждан. Индийцы, покидающие Бирму, обязаны депонировать все свои денежные средства и ценности в Банк Бирмы. Их возвращение владельцам в будущем будет предметом специальных переговоров между правительствами Индии и Бирмы.

Выше уже упоминалось о начавшейся репатриации индийцев с Занзибара. Следует сказать о трудном положении, складывающемся для индийцев на о-вах Фиджи. Индийская крестьянская ассоциация Фиджи, например, телеграфировала в 1964 г. генеральному секретарю ООН У Тану, что 80 тыс. индийцев вынуждены будут покинуть Фиджи в силу их неустойчивого положения⁸⁸. В данном случае основным фактором, влияющим на реэмиграцию индийцев с Фиджи, служат противоречия, возникшие между индийцами и англичанами, стремящимися сохранить свое господство и боящимися их конкуренции в экономике.

На Цейлоне около 650 тыс. индийцев объявлено «бесподданными» или «нелегальными иммигрантами»⁸⁹. В последние годы из этой страны под различными предлогами уже депортировано в Индию свыше 90 тыс. человек⁹⁰. Следует кратко остановиться и на позиции Цейлона в этом вопросе, история которого началась с 1948 г. — с момента получения Цейлоном независимости⁹¹. Правительство Цейлона определило срок репатриации в 15 лет, в течение которых 300 тыс. индийцев должны получить цейлонское подданство. Кроме того, оно обязалось обеспечить нормальные условия жизни индийцев и сохранить за ними выполняемую ими работу. Таким образом, непосредственное разрешение проблемы индийцев, живущих на Цейлоне, отложено, хотя и определены общие пути ее решения. Сейчас пока еще трудно судить о том, как она будет окончательно осуществлена.

Здесь мы еще раз хотим подчеркнуть, что в рамках настоящей работы нельзя дать всесторонний анализ политического статуса индийских иммигрантов, так как это возможно произвести лишь на примере отдельных стран с учетом реально сложившейся в них обстановки. По приведенным нами фактам можно судить о крупном вкладе индийских иммигрантов в экономическое развитие целого ряда стран. Поэтому можно с достаточным основанием утверждать, что было бы несправедливо пытаться вынудить их вернуться в Индию путем принудительной репатриации, которую, кроме того, весьма трудно осуществить. С другой стороны, нельзя забывать и то, что массовый выезд индийцев из таких стран, как Цейлон, Южно-Африканская Республика, и других, страдающих от нехватки рабочей силы в некоторых отраслях промышленности и сельского хозяйства, не будет отвечать интересам их экономики. Трезвый подход к этому вопросу, основанный на тщательном учете интересов самих индийцев и стран иммиграции, может помочь избежать не только ненужных человеческих страданий, но и острых политических конфликтов.

Таковы лишь некоторые контуры затронутой нами проблемы, полное и всестороннее раскрытие которой еще ждет своего исследования.

⁸⁷ S. B. Mookherji, *The exodus of the overseas Indians*, p. 13.

⁸⁸ Ibid., p. 14.

⁸⁹ Ibid., p. 15.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Некоторые данные о национальном вопросе на Цейлоне содержатся в статье: A. Sievers, *Die Völkischen Spannungen in Ceylon und ihre Grundlagen*, — «Geographische Rundschau», 14, Jahrgang 1964, № 9.